

ЧАСТЬ I.

«...Едут и смеются, пряники жуют...»¹

Ленинград, 1983 год

Не по-осеннему тёплое солнышко пригрело щеку, и, очнувшись от своей странной полудрёмы, Алексей Петрович мгновенно ощутил, как продрог. Приоткрыв глаза и сощурившись, с изумлением рассматривал дверь парадной дома напротив – дверь *его дома*, – не понимая, каким образом в своём нынешнем состоянии смог выбраться из квартиры и дойти ночью до любимой лавочки на бульварчике Офицерской – ах, нет! – улицы Декабристов¹. Вот уже лет пятнадцать, с тех пор как окончательно и бесповоротно оставил службу и вышел на пенсию, Алексей Петрович, подкараулив нечастные в Питере солнечные часы, любил пройтись по бульвару, посидеть на единственной скамейке, понаблюдать несуетливую жизнь...

В последнее время возраст и здоровье позволяли пройтись только один раз. И уже месяц, измученный бесконечным повторением одного и того же сна и его последствиями – сердечными приступами, – из дома не выходил, несмотря на щедро подаренный Богом тёплый сентябрь. Спасибо соседям, не давали помереть с голоду...

---

¹Корней Чуковский, «Тараканище».

Левая сторона занемела совсем. С реки все ещё тянуло ночной промозглой сыростью, и старенькое пальто почти не хранило тепло. Судя по солнцу, уже ближе к восьми... Он скосил глаза, пытаясь рассмотреть, который час, но манёвр не удался. Непослушная и почти не ощущаемая левая рука безвольно размещалась на бедре ладонью кверху. И определить время, которое более семидесяти лет точно показывали его часы, никак нельзя. Безупречные Goldsmith's², по легенде участвовавшие ещё в Англо-бурской войне³, подаренные бароном, не подводили его никогда. Даже плотно прилегающий к циферблату коричневый кожаный корпус не истёрся. А вот собственный старый организм подвёл.

Подняться самостоятельно с глубокой скамейки Алексей Петрович не мог и прекрасно это осознавал. Позвать на помощь было нелегко и некого. Хватит ли сил докричаться, если, к примеру, на той стороне улицы из парадной кто-то выйдет? На него, сидящего на лавке, просто не обратят внимание в утренней спешке. Ничего необычного – гуляет старик ни свет ни заря, хорошо хоть под ногами не топчется.

Услышав звонкий задорный лай, он чуть повернул голову направо и увидел лёгкую тонкую девчушку в светлом плащике, которую тащил по бульвару со всей юношеской прытью маленький, белый как летнее облачко, пушистый щенок. От ветра и быстрой ходьбы её волосы, собранные в высокий хвостик, растрепались. Запыхавшись, сквозь смех она пыталась скомандовать что-то упрямой собаке, но та пропускала команды мимо своих висячих ушей и изо всех щенячьих сил тащила девушку к скамейке Алексея Петровича.

Он живо представил себе, как выглядит со стороны, – объёмный неопрятный куль в обвислой грязновато-серой шляпе. Стоптаные, когда-то коричневые ботинки, тёмно-серые брюки с потёртыми обшлагами, уже неопределённого цвета пальто, изношенное, невнятной формы. Такое можно уже спокойно вешать на крючок, не заботиться о вешалке...

Кое-как опираясь всё ещё непослушной левой рукой о коленку, а правой о холодное и влажное от росы деревянное ребро скамьи, старик попытался привстать, но тут же, теряя сознание, стал заваливаться на бок... И не увидел, как со всех ног, опережая свою собачку, рванула к нему светловолосая девушка...

Он очнулся от тяжёлого, режущего уши звука, где-то совсем рядом, над головой, завывала сирена.

Секунду спустя Алексей Петрович скорее почувствовал, чем осознал, что его тело ему совсем не подчиняется, но при этом странно покачивается и подпрыгивает. Приоткрыв глаза, он увидел над собой, довольно близко, серый потолок с мелкими дырочками. После очередного подпрыгивания всем телом на чём-то плоском и жёстком, понял, что он едет. Вернее, его везут в карете скорой помощи, а тело совсем неудобно зафиксировано ремнями.

«Торопились очень», – отстранённо подумал Алексей Петрович и слабо улыбнулся.

– Господи, вы живы! – лёгкое тёплое прикосновение к левой, уже совсем ледяной, руке. – Как вы нас с Дейзи испугали!

Алексей Петрович повернул, насколько позволяла жёсткая клеёчатая подушка, голову и посмотрел на сидящую рядом девушку. Она устроилась

на низком, с проваленной спинкой дерматиновом сидении и еле удерживалась на нём при резких толчках машины. Левой рукой она пыталась схватиться за лежанку, на которой устроили его, старика, иногда касаясь его холодных, скрюченных судорогой пальцев. А правой крепко прижимала к себе собачонку.

Щенок, вытаращив от ужаса глаза и прижав уши, пытался подвывать, но вой почти полностью заглушала сирена. Вытянувшиеся задние лапы свободно болтались в такт движения автомобиля, пачкая полы светлого плаща. Он узнал и девушку, и щенка. Видел их на бульваре, сегодня утром, кажется... только теперь щенок походил не на облачко, а на сорванную и смятую маргаритку. Ему захотелось спросить, как зовут девушку, куда они едут, и он попытался извернуться, чтобы получше рассмотреть свою невольную попутчицу.

Изловчившись, девчушка привстала с неудобного сидения и шагнула вперёд, в направлении водителя. Алексей Петрович услышал, как, стараясь пересилить незамолкающую сирену, она прокричала кому-то: «Он пришёл в себя! Он пришёл в себя!»

– Отлично, – проорал в ответ мужчина. – Не давайте ему двигаться! Нам уже близко!

Девушка плюхнулась на сидение и сжала руку Алексея Петровича.

– *Прошу вас*, – интонации действительно были просительные, – доктор не разрешает вам двигаться. Вы не волнуйтесь только, теперь всё страшное позади. Вы потеряли сознание на улице, помните? А мы с Дейзи как раз рядом оказались и скорую вызвали. Хорошо, что будка телефонная на углу есть...

Она отпустила собачку на пол и смогла пододвинуться к нему очень близко. Так близко, что её волосы чуть скользнули по его щеке, и он смог, наконец, хорошо рассмотреть их цвет – тёмный пепел – и выражение глаз, внимательно-участливое. Именно так на него всегда смотрела *Лиззи*, когда промокала своим кружевным, пахнущим фиалкой платочком его невольные слёзы и прикладывала к разбитой в очередной раз коленке тёплый, прогретый солнцем лист подорожника...

Лиззи... Благодаря своей милой спасительнице Алексей Петрович очень чётко представил себе лицо сестры. Высокий лоб, брови вразлёт, тонкий нос с почти незаметной горбинкой, всегда плотно сжатые губы. Она редко улыбалась после смерти матери. Чуть вытянутый овал бледного лица в обрамлении лёгких золотисто-русых завитков. Волосы Лиззи всегда убирала в плотную тугую косу с вплетённой чёрной лентой. Только самый кончик косы непослушно пушился и щекотал щеки или лоб маленького Алёшеньки, когда старшая, самая старшая, сестра приходила поутру в его комнатку разбудить-потормошить. Он всегда был «соней-засоней».

Алексей Петрович прикрыл глаза, отдаваясь светлому воспоминанию ...

Вятка, 1900 год

– *Рара!* – словно позабыв, что обещала себе всегда и во всём соблюдать приличия, Лиззи очень громко и с негодованием взывала к отцу от самой